

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Э.Р. БЕРРОУЗ

МАРСИАНСКИЕ
РЫЦАРИ

Марсианин Джон Картер

Эдгар Берроуз

Великий ум Марса

«Автор»

1928

Берроуз Э. Р.

Великий ум Марса / Э. Р. Берроуз — «Автор»,
1928 — (Марсианин Джон Картер)

© Берроуз Э. Р., 1928

© Автор, 1928

Содержание

Письмо	5
1. Дом мертвых	7
2. Повышение	12
3. Валла Дайя	16
4. Соглашение	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эдгар Берроуз

Великий ум Марса

Письмо

Гелиум. 8 июня 1925 г.

Дорогой мистер Берроуз!

В первый раз я познакомился с Джоном Картером, военным владыкой Барсума, в 1917 году, в офицерском учебном лагере, на страницах вашего романа «Принцесса Марса». История эта произвела на меня большое впечатление, и, несмотря на то, что здравый смысл твердил мне, что это лишь весьма талантливая фантастика, мысль об истинности всего этого заполнила мое подсознание настолько, что я обнаружил, что думаю о Марсе, Джоне Картере, Дее Торис, Тарс Таркасе и Вуле, как если бы они реально существовали в жизни, а не являлись лишь плодом вашего воображения.

Правда, в те дни напряженной учебы было мало времени для грез, но короткие моменты перед сном, которые мне все же полагались, были моими. Я мечтал. Всегда о Марсе! И как!

Во время бессонных ночей глаза мои поневоле искали в вышине красную планету, если она была над горизонтом. Я смотрел на нее, пытаясь найти решение загадок, поистине непостижимых, которые она задавала людям в течение многих столетий.

Возможно, это стало одержимостью. Хотя все это пришло ко мне в лагере. Но ночью, когда я лежал на палубе транспорта, плывущего через океан, я нашел Марс на небосводе. Мне хотелось смотреть в глаза красного бога войны – моего бога, – и чтобы, как Джон Картер, я мог перенестись через огромные пространства космического вакуума к гавани моей мечты.

А затем настали ужасные дни и ночи в окопах – крысы, вши, грязь – и чудесны были паузы в этой монотонности, когда нам приказывали идти в атаку. Тогда я это любил – любил разрывы снарядов, хаос звуков от громоподобных пушек, но... крысы, вши, грязь! О боже! Как я ненавидел их! Знаю, что это звучит хвастовством, уж извините, но я хотел написать вам всю правду о себе. Думаю, что вы поймете. И поймете то, что случилось позже.

Наконец пришло ко мне то, что приходило к очень многим на тех кровавых полях. Это произошло на той неделе, когда я получил свое первое повышение – чин капитана, чем очень гордился, несмотря на свою скромность, так как сознавал, что кончилась моя юность и пришла огромная ответственность, а вместе с тем возможность служить, и не только своей стране, но и людям моей команды. Мы выдвинулись вперед на два километра с маленьким отрядом, и я удерживал самую близкую к врагу позицию, когда получил приказ отступить на новую линию обороны. Это последнее, что я помню, пока ко мне не вернулось сознание, после наступления темноты. Должно быть, около меня разорвался снаряд. Что стало с людьми, я так и не узнал. Когда я очнулся, было холодно и очень темно, и я на мгновение успокоился – до того, как полностью обрел сознание – и в это время почувствовал боль. Она росла, пока не стала невыносимой! Она была в ногах. Я вытянулся, чтобы потрогать их, но моя рука отпрянула от того, что обнаружила, и когда я попытался пошевелить ногами, то обнаружил, что ниже пояса я совершенно парализован. Потом из-за облака появилась луна, и я увидел, что лежу в воронке от снаряда, и что я не одинок: вокруг меня лежали мои люди – мертвые!

Прошло много времени, прежде чем я нашел моральные и физические силы приподнять себя на локоть, чтобы увидеть раны, причиненные мне. Одного взгляда было достаточно, чтобы я упал обратно в состоянии умственной и физической агонии – ноги мои были начисто снесены между бедрами и коленями. Почему-то я не истек кровью, но несмотря на это, знал, что потерял огромное ее количество и каждый новый момент теряю достаточно, чтобы избавиться

от страданий до того, как меня найдут. Когда я лежал так, мучаясь от боли, то молил, чтобы меня не нашли вовремя! Я морщился, думая о будущей увечной жизни больше, чем при мысли о смерти. Но вдруг глаза мои сфокусировались на ярко-красном Марсе, и надежда вспыхнула во мне. Я простер руки к Марсу, и не нужно, по-видимому, задавать вопросы или сомневаться хоть мгновение, как я молился богу моей мечты, чтобы он помог мне. Я знал, что он сделает это, вера моя была крепка и так велико умственное усилие, которое я сделал, чтобы освободиться от страшных оков искалеченного тела, что я почувствовал внезапный приступ тошноты. Затем резкий щелчок, как будто разрезали стальную проволоку, и неожиданно я встал на двух здоровых ногах, смотря вниз на окровавленный искореженный предмет, который был мной. Едва ли секунду стоял я так, прежде чем повернуть глаза вверх, к звезде моей судьбы, и с простертыми руками замер в холоде этой ночи, ожидая...

Вдруг я почувствовал, что со скоростью мысли мчусь сквозь нехоженые пустыни межпланетного пространства. Здесь был предельный холод и беспросветный мрак. Затем...

Но остальное в рукописи, которую я смог передать вам с помощью того, кто более велик, чем любой из нас. Вы и некоторые другие поверят, для остальных это не имеет значения. Настанет час – почему бы и не сказать то, что вы уже знаете?

Я благодарю счастливую возможность – ту, которая помогла мне найти способ, с помощью которого земляне лучше познакомятся с обычаями и образом жизни Барсума, прежде чем смогут преодолевать пространство так же легко, как Джон Картер, и посетить места, которые он описал с вашей помощью.

И я делаю то же, что и он. Пишу! Ваш искренний друг

Улисс Пакстон,

Бывший капитан инфантерии Соединенных Штатов Америки.

1. Дом мертвых

Должно быть, я непроизвольно закрыл глаза во время переноса на Марс, потому что, когда я их открыл, то обнаружил, что лежу на спине, уставясь в ослепительное небо, а рядом, в нескольких футах, стоит и смотрит на меня с озабоченным выражением лица самый странный человек, какого я только видел. Он выглядел глубоким стариком, потому что был в глубоких морщинах и неописуемо иссохшим. Члены его были истощены, ребра отчетливо проступали сквозь высохшую кожу. Большой и хорошо развитый череп его в сочетании с такими тощими конечностями придавал ему видимость неустойчивости, как будто голова противоречила всем пропорциям тела. Уверен, что тут было что-то не так!

Хотя он привел меня в замешательство пристальным взглядом сквозь многолинзовые очки, я все же подробно рассмотрел его. Он был пяти с половиной футов ростом, но в молодости несомненно был выше, так как сейчас был сильно сгорблен. Он был гол, исключая незамысловатые доспехи из кожи, на которые крепилось оружие, но замечательное украшение – ожерелье, украшенное драгоценными камнями, висело у него на шее. За такое ожерелье вдовствующая королева свинины или нефти охотно променяла бы душу, если бы у нее была такая.

Чем больше смотрел он на меня, тем больше возрастало его недоумение. Он зажал подбородок большим и указательным пальцами левой руки и, подняв правую, с очень задумчивым видом поскреб голову. Затем он обратился ко мне, язык его был мне неизвестен.

При первых же его словах я приподнялся и покачал головой. Затем я оглянулся. Я сидел на темно-красном газоне внутри высокой ограды. Две, или возможно, даже три ее стены были сформированы внешними стенами здания, в котором были видны скорее формы европейского феодального замка, чем какие-либо другие архитектурные формы, известные мне. Фасад, представший моему взору, был богато украшен резьбой и большим количеством хаотических узоров. Контуры крыши были настолько нарушены ими, что здание производило впечатление руин, но это не лишало его красоты, а делало еще более гармоничным. Внутри ограды росли многочисленные деревья и кусты, все сверхъестественно странные, и все, или почти все, обильно цветущие. Среди них извивались аллеи, вымощенные цветными камнями. настолько красиво было зрелище испускаемого ими сияния, переливающегося в лучах солнца, что камни казались драгоценными.

Старик обратился ко мне снова, на этот раз повелительно, повторяя проигнорированную мною команду, но я снова покачал головой. Тогда он положил руку на один из своих двух мечей, но пока не вытаскивая оружия. Я вскочил на ноги. Результат этого был настолько примечательным, что не могу сейчас сказать, кто из нас двоих больше удивился. Я поднялся на двадцать фунтов вверх и приземлился в десяти фунтах от того места, где сидел. Теперь я уже твердо был уверен, что нахожусь на Марсе, и никто не смог бы в этом сомневаться! Об этом говорили меньшая сила тяжести, цвет газона, красный оттенок кожи марсиан, о которых я читал в рукописях Джона Картера, этом удивительном, но еще не оцененном вкладе в мировую научную литературу. Нельзя было сомневаться. Я стоял на земле красной планеты. Я пришел в мир моей мечты – Барсум!

Старик был настолько испуган моим проворством, что сильно вздрогнул, несомненно непроизвольно, но однако с печальным для него результатом. Очки упали с его носа на газон, и мне стало ясно, что старый жалкий бедняга был практически слеп без этих искусственных усилителей зрения. Поэтому он стал на колени и начал ощупывать траву в поисках потерянных стекол, словно сама жизнь его зависела от того, насколько быстро он их найдет. Возможно, он думал, что я воспользуюсь его беспомощностью и убью его. Очки были огромные и лежали у его ног, но он не мог найти их. Его руки, казалось, приведены в отчаяние тем странным

своенравием, которое проявляют иногда потерянные вещи, разрушая наши наивные надежды обнаружить их, все еще не могли войти в контакт с ними.

В тот самый момент, когда я стоял, наблюдая его тщетные попытки, и обдумывая одновременно целесообразность возвращения средства, дающего ему возможность быть в большей степени готовым к тому, чтобы найти мое сердце острием меча, я почувствовал, что еще кто-то вошел в ограду. Посмотрев в сторону здания, я увидел большого красного человека, бегущего к старику. Вновь появившийся был совершенно голым и в руке держал дубинку. На его лице было выражение, несомненно сулившее старику, совершенно беспомощному, ползающему, подобно кроту, в поисках потерянных очков, беду.

Первым моим побуждением было остаться нейтральным в деле, ничуть меня не касаясь и о котором я не знал ровным счетом ничего, на чем мог бы основать свое присоединение к какой-нибудь стороне. Но когда я во второй раз взглянул на лицо человека с дубинкой, у меня возник вопрос: а не может ли это касаться меня?

В выражении лица этого человека было нечто, означающее или врожденное бессердечие и жестокость характера, или маниакальный склад ума. Он может обратить на меня свое убийственное внимание после того, как отправит на тот свет более слабую жертву, в то время как первый мой знакомый, по крайней мере по внешнему виду, был здравомыслящим и относительно безвредным существом. Правда, намерение старика обратить против меня меч не было показателем дружеского расположения, но при отсутствии выбора он казался мне меньшим из двух зол.

Он все еще искал свои очки... Красный человек был уже почти рядом с нами, и я принял решение разделить судьбу со стариком. Я находился в двадцати футах от него, голый и безоружный, но покрыть это расстояние с моими земными мускулами было секундным делом, а обнаженный меч старика лежал около него, там, где он его бросил, считая более важным поиски очков. Вышло так, что я смело встретил атакующего в тот момент, когда он приблизился на расстояние удара к своей жертве. Удар, предназначавшийся другому, был нацелен на меня. Я уклонился от него, и тогда мне стало ясно, что проворство моих мускулов имеет и достоинство, и недостатки. Мне пришлось учиться ходить, когда мне нужно было сражаться новым для меня оружием против вооруженного маньяка (судя по проявлению ярости и странному выражению лица, он действительно заслуживал такого определения).

Спотыкаясь и падая в попытках приспособиться к новым условиям, я обнаружил, что вместо того, чтобы оказывать серьезное сопротивление противнику, сам попал в затруднительное положение, так часто я, потеряв равновесие, растягивался на газоне. Так что дуэль превратилась в серию усилий: с его стороны – догнать и сокрушить меня огромной дубинкой, а с моей – уклоняться и увертываться. Хоть это и унижение, но это правда. Однако так не могло продолжаться долго. Ввиду чрезвычайности ситуации управлять своими земными мускулами я научился быстро, после чего уже твердо удерживал позицию, и когда он нацелил в меня мощный удар, я увернулся и задел его острием меча, что привело к появлению крови и дикому крику боли. Он стал перемещаться более осторожно. Воспользовавшись преимуществами изменившейся ситуации, я надел на него так, что он отступил. Эффект был магическим и влил в меня новые силы: я колот и рубил его, пока не пустил кровь в полдюжине мест, все еще проявляя разумную осторожность, стараясь избегать могучих взмахов его дубинки, каждый из которых мог бы убить и быка.

Уклоняясь от его ударов, я много перемещался. Мы сражались уже вне ограды, на значительном расстоянии от места нашей первой встречи. Я стоял лицом к зданию, когда старик отыскал свои очки и быстро приспособил их к глазам. Он немедленно стал вертеть головой в разные стороны, пока не обнаружил нас, после чего взволнованно закричал что-то и устремился к нам, вытаскивая на ходу меч. Красный человек опасно теснил меня, но я уже обрел полный самоконтроль и, опасаясь, что скоро количество моих противников удвоится, надел на

него с повышенной энергией. Его дубинка прошла в доле дюйма от моего виска, овеяв волосы ветерком. Но он оставил открытым место, в которое я и направил свой меч, пронзив его сердце. По крайней мере я думал так, забыв, что читал как-то в рукописях Джона Картера о том, что внутренние органы марсиан расположены иначе, чем у землян. Но результат был столь же удовлетворителен, как если бы я пронзил сердце. Рана вывела его из строя. В этот момент подбежал старик. Он не только не делал недружелюбных жестов, но, казалось, старался убедить меня в отсутствии желаний повредить мне. Он был возбужден и страшно раздражен, что я не понимаю его пронзительных и странных выкриков, похожих на властные команды, неистовую ругань и бессильный гнев. Но гораздо большее значение, чем его болтовня, имел тот факт, что он вложил меч в ножны. Когда он перестал кричать и стал объясняться с помощью пантомимы, я понял, что он предлагает мне мир, если не дружбу, так что я положил меч и поклонился. Это было единственное, что я мог придумать, чтобы уверить его в отсутствии желаний проткнуть его.

По-видимому, он был удовлетворен и сразу обратил внимание на лежавшего красного человека. Он послушал сердце и пощупал пульс, затем, кивнув головой, встал и, достав из сумки-кармана свисток, издал громкий звук. Сразу же из-за дверей одного из окружающих зданий появилось десятка два красных людей, бросившихся в нашу сторону. Никто из них не был вооружен. Получив от старика короткий, отрывисто-резкий приказ, они взяли лежащего на руки и унесли. Старик пошел к зданию, приглашая меня жестом следовать за ним. Кажется, мне больше ничего не оставалось делать, как повиноваться. Где бы я ни был на Марсе, шансы очутиться среди врагов были миллион к одному. Так что врагами я был обеспечен как здесь, так и в любом другом месте, поэтому отныне я должен был зависеть только от собственной находчивости и проворства.

Только так я мог проложить себе дорогу на Марсе. Хозяин привел меня в маленькую комнату, и взору моему предстала самая отвратительная картина, которую я когда-либо видел.

Ряды столов, выстроенные параллельными линиями, заполняли помещение, и почти на каждом лежал одинаковый груз: частично расчлененные или искалеченные каким-либо другим способом трупы людей. Над каждым столом была полка с сосудами разной формы и размеров, а с нижней части полки свешивались многочисленные хирургические инструменты, подсказавшие мне, что я нахожусь в огромном марсианском медицинском институте.

По указанию старика несшие барсумца положили тело на стол и удалились. Тогда мой хозяин, если его можно было так назвать, так как в плен он меня пока что не взял, показал мне пальцем на него. Пока он разговаривал, он успел сделать на теле моего бывшего соперника два надреза: один, как я понял в вене, другой – в артерии. В надрезы он ловко вставил концы двух трубочек, одну из которых он подсоединил к пустой стеклянной реторте, а другую – к такой же реторте, но заполненной бесцветной прозрачной жидкостью, напоминавшей по виду чистую воду. Затем старый джентльмен нажал на кнопку, приведшую в действие маленький моторчик. После этого кровь жертвы начала переливаться в пустой сосуд, а содержимое другого сосуда – в пустые вены и артерии.

Слова и жесты, с которыми старик обращался ко мне, как мне показалось, содержали подробные объяснения метода и цели происходящего. Но, поскольку я не понимал ни одного слова, то и по окончании лекции остался в такой же темноте незнания, как и до начала. Хотя было бы разумным предположить, что я стал свидетелем обычного бальзамирования трупа барсумца. Убрав трубки, старик закрыл надрезы, причем использовал для этого кусочки материи, сильно напоминавшие толстый пластырь. Затем он жестом приказал мне идти за ним. Мы шли из комнаты в комнату, в каждой из которых были все те же странные экспонаты. Около некоторых тел старик останавливался, производя краткий осмотр или приписывая что-нибудь на листках, похожих на характеристику больного и висевших на крючках над каждым столом.

Из последних помещений, осмотренных нами, мой хозяин провел меня наклонным коридором на второй этаж, где были комнаты, подобные виденным мною на первом этаже, но столы были заняты не расчлененными, а в основном целыми телами, залатанными кусками пластыря. Когда мы шли между рядами тел, вошла басурманская девушка, которая, на мой взгляд, была служанкой или рабыней. Она что-то сказала старику, после чего он снова просигналил мне идти за ним, и мы спустились другим коридором на первый этаж другого здания.

Здесь, в большой и пышно украшенной комнате, нас ждала пожилая красная женщина. Она выглядела старухой, и ее лицо было обезображено шрамом от удара или ушиба. Парадный костюм ее был изумителен по красоте. Сопровождали ее два десятка женщин и вооруженных охранников, и у меня мелькнула мысль, что она является особой немалого значения, но старикашка обращался с ней очень грубо, как я смог заметить, однако это вполне соответствовало грубости ее слуг.

Разговор их был долог. По окончании его из эскорта старухи вышел мужчина, и, открыв сумку, вытащил оттуда пачку того, что, как мне показалось, было марсианскими деньгами. Не считая, он вручил их старику, после чего тот кивнул женщине, предлагая следовать за ним. Несколько человек из ее эскорта – рабынь и охранников – двинулись было сопровождать нас, но старик властно предложил им удалиться, после чего вспыхнула горячая дискуссия между женщиной и одним из ее телохранителей, с одной стороны, и стариком – с другой. Дискуссия кончилась тем, что старик протянул деньги обратно женщине, и это утихомирило спорящих, потому что женщина деньги не взяла, а сказала что-то своим людям и пошла вместе со стариком и со мной.

Мы вошли в комнату, которую я перед этим не осматривал. Она была очень похожа на остальные, за исключением того, что все тела здесь принадлежали молодым женщинам, причем многие из них были очень красивыми. Следуя по пятам за стариком, женщина просматривала ужасные экспонаты внимательно и очень тщательно. Трижды проходила она меж столов, критически осматривая их странную ношу. И каждый раз она долго останавливалась около одного и того же тела – прекраснейшего создания из когда-либо виденных мной женщин. Затем она вернулась к нему в четвертый раз, долго и серьезно глядя на мертвое лицо. При этом она разговаривала со стариком, задавая, по-видимому, бесчисленные вопросы, на которые он отвечал быстрыми и короткими фразами. Наконец, она жестом показала на тело и кивнула, видно, соглашаясь в чем-то с хозяином этого ужасного экспоната.

Немедленно старикашка дунул в свисток, вызывая множество слуг, которых коротко проинструктировал, затем повел нас в другую комнату, меньшую. В ней было несколько пустых столов. Две рабыни или служанки, бывшие там, по первому слову хозяина сняли пышное одеяние со старухи, распустили ей волосы и помогли лечь на один из пустых столов, где она была тщательно опрыскана, как я предполагал, антисептическим раствором, осторожно высушена и перенесена на другой стол. На расстоянии двадцати футов от него параллельно стоял еще один стол.

Тотчас же дверь комнаты распахнулась, и показались двое слуг, несущих тело прекрасной девушки, которое мы видели в соседней комнате. Они положили его на стол, где только что была старуха, и точно так же опрыскали. Старикашка сразу же сделал на теле старухи два надреза, как делал он со сраженным мною красным человеком, и заменил ее кровь на чистую жидкость.

Жизнь покинула старую женщину, она лежала на полированной плите, покрывающей стол, так же, как и бедное прекрасное создание.

Старик сдвинул свои доспехи к талии и тщательно опрыскался, после чего выбрал острый нож среди инструментов на полках и снял со старухи скальп, следуя по линии волос. Затем таким же образом он снял скальп с трупа молодой женщины, и крошечной циркулярной пилой, прикрепленной к гибкому вращающемуся валу, распилил череп каждой из женщин по

линии, указанной снятыми скальпами. Все было исполнено настолько искусно, что превзошло все мои ожидания. На протяжении четырех часов он перенес мозг из одной женщины в черепную коробку другой, ловко соединил черепную коробку и скальп своеобразным пластырем, который оказывал не только антисептическое действие, но, в определенных пределах, и анестезирующее.

Он подогрел кровь, взятую из тела старой женщины, добавив несколько капель прозрачного химического раствора, выкачал жидкость из вен прекрасного трупа и заменил ее на кровь старухи, произведя одновременно подножную инъекцию.

Во время операции он не сказал ни слова, но окончив ее, кратко проинструктировал ассистентов в своей отрывистой, резкой манере и предложил мне следовать за ним, после чего покинул комнату.

Он вел меня в дальнюю часть здания. Мы шли долго, пока не достигли роскошных апартаментов. Он открыл дверь, предложил войти, показал на вход в ванную и удалился, оставив меня на попечении отлично вышколенных слуг. Подкрепившись и отдохнув, я вышел из ванной и нашел в соседней комнате доспехи и одежду, предназначенные мне. Хотя и незамысловатые, они были сделаны из хорошего материала, но оружия при них не было.

Вполне естественно, что я много думал о странных событиях, свидетелем которых стал я на Марсе. Но больше всего ставила меня в тупик непонятная затея старухи заплатить моему хозяину значительную сумму за то, что он убил ее и перенес мозг из ее черепа в череп молодого трупа. Был ли это результат отвратительного религиозного фанатизма, или объяснение этого факта вообще недоступно земному уму?

Я так и не пришел ни к какому решению, когда был вызван рабом и последовал за ним в расположенные неподалеку покои. В комнате, куда меня ввели, я обнаружил ждущего меня у стола с восхитительными яствами хозяина. И не мог я быть судьей кушаньям после долгого поста и много более долгого пребывания на грубом армейском рационе.

Во время еды мой хозяин пытался объясниться со мной, но, естественно, его усилия были бесплодными. Временами он очень возбуждался, а три раза даже клал руку на один из своих мечей, когда я терпел неудачу в попытках понять, что он в конце концов от меня хочет. Действие это все больше и больше убеждало меня в том, что он отчасти сумасшедший. Но в каждом случае он проявлял достаточно самообладания, отводя катастрофу от одного из нас.

Трапеза кончилась, но старик еще долго сидел, погруженный в раздумье. И вдруг внезапное решение, видимо, пришло ему в голову. Со слабым намеком на улыбку он повернулся ко мне и кивнул головой, указывая на предмет, бывший полным курсом барсумского языка. Много времени прошло после наступления темноты, прежде чем он позволил мне уйти. Он проводил меня до большой комнаты, где я раньше нашел доспехи, указал на груду богатых мехов и шелков, которые я должен был использовать в качестве постели, пожелал мне барсумской доброй ночи и ушел, предоставив мне решать задачу: гость я здесь или заключенный?

2. Повышение

Быстро пролетели три недели. Я достаточно овладел барсумским языком, что дало мне возможность беседовать с хозяином вполне удовлетворительно. Кроме того, я, хоть и медленно, но делал успехи в письменности этой нации, которая была труднейшей из всех барсумских письменностей, хотя разговорный язык у всех наций один.

За эти три недели я изучил многое в странном месте, где я был полугоstem или полупленным. Мой замечательный хозяин-тюремщик, старый хирург Тунола Рас Тавас, которого я все время сопровождал, присматривался постепенно ко мне, и день за днем перед моими изумленными глазами раскрывались тайны института, которым он управлял и в котором работал практически один. Его рабы и слуги были лишь дровосеками и водоносами. Именно его ум в одиночку руководил иногда благородной, иногда странной и вредной, но всегда удивительной деятельностью, – целенаправленной работой всей его жизни.

Сам Рас Тавас был так же замечателен, как все творимое им. Он никогда не был умышленно жестоким, не был, как я убежден, и преднамеренно злым. Он был виновен во множестве дьявольских жестокостях и подлейших преступлениях, но уже в следующий момент он мог совершить поступок, который, если продублировать на Земле, должен был бы вознести его на вершину человеческого уважения. Можно было с уверенностью сказать, что он никогда не настаивал на жестокости и преступлении по каким-то мотивам, однако нельзя не заметить, что он никогда не настаивал на гуманизме из высоких побуждений. Он имел исключительно научный склад ума, полностью лишенный всякой сентиментальности, которой у него не было ни капли. Это был практический ум, что доказывалось огромными гонорарами, получаемыми им за профессиональные услуги. Однако я знаю, что он оперирует не только ради денег. Я видел его за изучением научных проблем, решение которых не могло ничего добавить к его богатству, в то время как помещение, предоставленное его будущим клиентам, было переполнено богачами, жаждущими пересыпать деньги в его карман.

Его отношение ко мне исходило полностью из научного любопытства. Я являлся проблемой. Я – не барсумец, я был видом, о котором он не имел понятия. Значит, для пользы науки было бы лучше всего, чтобы я охранялся и изучался. Я знал многое о своей планете. Рас Тавасу нравилось выпытывать у меня все, что я знал. Он надеялся получить некоторую информацию, которая поможет ему решить одну из барсумских проблем, ставивших в тупик ученых. Но он вынужден был признать, что я тупой невежда практически во всех областях знаний, и это потому, что земные науки пока на стадии пеленок по сравнению с замечательным научным прогрессом в соответствующих областях на Марсе. Он держал меня при себе еще и затем, чтобы использовать на незначительной работе в своей огромной лаборатории. Мне был вверен рецепт «бальзамирующей» жидкости. Меня научили, как выкачивать кровь из тела и заменять ее на удивительное предохраняющее средство, задерживающее разложение и не изменяющее мельчайших элементов клеток и нервов. Я изучил также секрет нескольких капель раствора, который, будучи добавлен к подогретой человеческой крови, оживляет и возвращает к нормальной деятельности весь организм. Он сказал мне однажды, почему он позволил мне изучать все это, что он держал в секрете от других, и почему он все время удерживал меня при себе в отличие от многочисленных людей его собственной расы, служивших ему и мне на меньших должностях и днем, и ночью.

– Вад Варс, – сказал он, используя барсумское имя, которое он мне дал, настаивая на том, что мое собственное не имеет значения и не практично. – В течение многих лет я нуждался в ассистенте, но прежде я никогда не чувствовал, что нашел кого-то, кто мог бы работать бескорыстно и искренне, не имея причин уйти куда-то и разболтать мои секреты. Ты на Барсуме уникален – ты не имеешь здесь никаких друзей или знакомых, кроме меня. Если бы ты покинул

меня, то очутился бы в мире врагов. Для всех ты – подозрительный иностранец – убогий пария во враждебном мире. Здесь же ты будешь занят работой с таким всепоглощающим интересом, что каждый час принесет тебе не имеющее себе равных удовлетворение. Нет, значит, эгоистических причин, чтобы ты покинул меня, но есть причины, чтобы ты остался. Я не ожидаю иной верности, кроме той, которая продиктована эгоизмом. Ты станешь идеальным ассистентом не только по тем причинам, которые я тебе назвал, но и потому, что ты интеллигентен и смышлен. После того, как я осторожно понаблюдал за тобой, я решил, что ты можешь служить мне и в другом качестве – персональным телохранителем.

– Может быть, ты заметил, что из всех, кто связан с моей лабораторией, я один вооружен. Это обычно на Барсуме, где люди всех классов, всех возрастов и обоих полов вооружены. Но многим из этих людей я не могу доверить оружия, так как они убьют меня. Если бы я дал оружие тому, кому могу доверять, кто знает, возможно другие завладеют этим оружием и убьют меня. И те, кому я сегодня доверяю, завтра повернут свой меч против меня. Нет никого, кто не желал бы уйти из этого места к своему народу – только ты, Вад Варс, являешься исключением, потому что тебе некуда идти. Итак, я решил дать тебе оружие!

– Ты спас мне жизнь однажды. Подобная возможность может представиться снова. Я знаю, что ты, будучи человеком благоразумным, не убьешь меня, так как ничего не выиграешь, а все потеряешь в нашем подозрительном мире, где убийство – закон общества, где естественная смерть – один из редких феноменов. Вот твое оружие. – Он шагнул в кабинет. В нем обнаружился целый склад оружия, старик выбрал для меня длинный и короткий мечи, револьвер и кинжал.

– Ты, кажется, уверен в моей преданности, – сказал я.

Он пожал плечами.

– Я только уверен, что знаю вполне область твоих интересов. Сентиментальные люди говорят: любовь, дружба, верность, вражда, ревность, ненависть – тысячу совершенно лишних слов. Два слова заменяют все – личная выгода. Все умные люди понимают это. Они анализируют человека и по склонностям и потребностям классифицируют его как друга или врага, оставляя слабоумным или идиотам, или тем, кто любит быть обманутыми, фиглярскую сентиментальную болтовню.

Я улыбался, пристегивая оружие на доспехи, но сохраняя спокойствие. Ничего нельзя было бы выиграть, что-либо в академическом споре. Я добыл лишь того, что мне станет хуже. Но многие из случаев, о которых он говорил, возбуждали любопытство, а один постоянно был у меня на уме – я много раз его обдумывал. Хотя частично кое-что было разъяснено в его замечаниях, я все еще удивлялся, почему красный человек, от которого я его избавил, имел такое непреодолимое желание убить его в день моего пришествия на Барсум. Я спросил его об этом, когда мы сидели, непринужденно болтая после вчерашней прогулки.

– Сентименталист, – сказал он, – сентименталист наиболее резко выраженного типа. Почему этот парень ненавидел меня со злобой, абсолютно невозможной для реакций аналитического ума, такого, как мой? Не будучи свидетелем его реакции, я распознал склад его ума так хорошо, что трудно себе представить. Это был молодой воин в расцвете жизни, с красивым лицом и великолепным телосложением. Один из моих агентов заплатил его родителям удовлетворительную сумму за его труп и продал мне. Таким образом, я получил практически все материалы. Я обработал его способом, который тебе уже знаком. В течение года тело лежало в лаборатории, так как не было случая использовать его. Но в конце концов, пришел богатый клиент. Вообще-то он не производил чрезмерно благоприятного впечатления. Человек преклонных лет, он совсем пал в глазах молодой женщины, которой оказывало внимание множество красивых поклонников. Мой клиент имеет денег значительно больше, чем любой из них, был, быть может, умнее, с большим жизненным опытом, но он нуждался в одной вещи,

которую имел каждый из них и которая всегда весит больше в глазах неразвитых, неблагоразумных, сентиментальных женщин – красивой внешности.

– Итак – 378-Д-193811-П имело то, в чем мой клиент нуждался и мог позволить себе купить. Соглашения о цене мы достигли быстро, и вскоре я перенес мозг богатого клиента в голову 378-Д, и мой клиент ушел. Как мне стало известно, через некоторое время он добился руки прекрасной дурочки.

– 378-Д мог долго пребывать в неопределенности на своей плите, если бы я просто случайно не выбрал его для восстановления, потому что одному человеку нужен был раб. Ты не будешь возражать, что этот человек был убит. Он был мертв. Я купил его, я платил деньги за труп – и все дело в этом. Он мог лежать мертвым вечно в одном из моих складов, не вдохни я жизнь в его вены. Имел он умственные способности, чтобы действовать мудро и благоразумно? Нет! Его сентиментальные реакции заставили его попрекать меня за то, что я дал ему другое тело, хотя он должен был бы рассматривать меня как благодетеля, даровавшему ему жизнь в совершенно здоровом, пусть отчасти и использованном теле.

– Он говорил мне об этом несколько раз, умоляя вернуть ему тело-вещь, о которой, как я объяснил ему, никак не могло быть и речи, если только в мою лабораторию не попадет труп того, кто купил его тело. А такой случай – за пределами вероятности, учитывая богатство моего клиента. Парень предлагал мне даже, чтобы я позволил ему уйти и убить моего клиента, а затем принести его, чтобы я мог произвести обратную операцию, вернув его мозг в его тело. Когда я отказался сообщить имя теперешнего владельца его тела, мрачность его возросла. Но до самого момента твоего прибытия, когда он напал на меня, я не подозревал о глубине его комплекса ненависти.

– Чувства – это преграда прогрессу. И в Туноле, вероятно, меньше подвержены их капризам, но до сих пор многие из моих соотечественников до некоторой степени их жертвы этих чувств. Что, однако, имеет свои преимущества, компенсирующие их пагубное влияние. Без них мы не могли бы иметь стабильное правительство и фандалиане или другие какие-нибудь народы опустошили бы нашу страну и завоевали бы ее; но достаточно низшим классам иметь некоторую толику чувств, и они будут хранить верность джеддаку Тулона, а высшие классы достаточно умны, чтобы в их собственных интересах держаться у трона.

– С другой стороны, фандалиане – отъявленные сентименталисты, удовлетворенные абсолютными глупостями, полные суеверий, рабы тщеславия. Ну, сам факт, что они терпят на троне старую мегеру Заксу, клеймит их как бестолковых идиотов. Она невежественная, глупая, высокомерная, эгоистичная, жестокая и сварливая женщина. До сих пор фандалиане должны сражаться и умирать потому, что отец ее был джеддаком Фандала. Она так обложила их налогами, что они шатаются под их тяжестью, она плохо управляет ими, она эксплуатирует, обманывает их, а они падают ниц у ее ног и поклоняются ей. Почему? Потому, что ее отец был джеддаком Фандала, и его отец был им до этого, и так далее в древность. И все потому, что они руководствуются скорее чувствами, чем разумом. Потому, что их безнравственные правители платят и за чувства.

– У нее нет ничего, что говорило бы в пользу ее, как нормального человека – даже нет красоты. Ты знаешь, ты видел ее!

– Я видел ее? – спросил я.

– Ты ассистировал мне в тот день, когда мы дали ее старому мозгу новую шкатулку, в день, когда ты прибыл оттуда, что зовешь Землей.

– Она? Эта старая женщина была джеддарой Фандала?

– Это была Закса, – подтвердил марсианин.

– Странно, один землянин мог тогда подумать, что это лишь простая женщина, ведь ты обращался с ней не так, как подобает обращаться с правительницей.

– Я Рас Тавас, – сказал старик. – Почему я должен склоняться перед кем-нибудь другим? В моем мире ничто не имеет такого значения, как ум. Во всех отношениях – могу сказать без сомнения – я не знаю разума более великого, чем мой.

– В таком случае, вы не без сантиментов, – сказал я, улыбаясь. – Вы обладаете одним из чувств – гордостью.

– Это не гордость, – возразил он. – Это факт! Факт, доказать который не представляет трудности. По всей вероятности, я имею наиболее развитый и хорошо функционирующий мозг среди всех знакомых мне ученых, и это показывает, что я обладаю наиболее развитым и хорошо функционирующим разумом на всем Барсуме. Из того, что я знаю о Земле и судя по тебе, я убежден, что на твоей планете разум может лишь слабо приблизиться к тому, который я развил в себе за время тысячелетней учебы и исследований. Расум – Меркурий или Косум – Венера могут, возможно, выдвинуть умы, равные или даже выше, чем мой. Пока что мы изучаем их мозговые волны. Наши инструменты еще недостаточно разработаны, мы можем лишь предполагать, что они – существа крайне утонченные и подвижные.

– А что это за девушка, тело которой ты отдал джеддаре? – спросил я невпопад, потому что у меня из головы не могла выветриться мысль об этом прекрасном теле, в котором должен был бы находиться соответствующий – ласковый и прекрасный – ум.

– Просто объект! Просто объект! – повторял он, размахивая руками.

– Что с ней станет? – настаивал я.

– Какая разница, что станет? – спросил он. – Купил ее с партией военнопленных. Я не могу даже назвать, из какой страны мой агент получил их, или откуда они родом. Такие сведения не имеют значения.

– Она была жива, когда ты купил ее?

– Да. Ну и что?

– Ты убил ее? – Нет! Я сохранил ее. Это было около десяти лет назад. Почему я должен был позволить ей стать старой и морщинистой? Она тогда не имела бы такой цены, как теперь. Когда Закса купила ее, она была такая же свежая, как в тот день, когда я получил ее. Много женщин смотрело на нее и хотело заполучить ее лицо и тело, но только джеддара оказалась в состоянии взять ее. Она заплатила высочайшую цену из тех, какие когда-либо платили!

– Да, я держал ее долгое время, но я знал, что в один прекрасный день я продам ее за такую высокую цену. Она в самом деле была прекрасна. Таким образом, чувство нашло свое применение – если бы не оно, не нашлось бы дураков поддерживать ту работу, которую я веду, и это помогает продолжать мои исследования на более высоком уровне. Ты будешь удивлен, я знаю, если я скажу тебе, что чувствую, что почти способен воспроизвести рациональное человеческое существо воздействием различных химических комбинаций и групп лучей. Они, вероятно, полностью неизвестны на Земле земным ученым, насколько я могу судить о незначительности твоих знаний о таких вещах.

– Я не был бы удивлен, – уверил я его, – я не удивлюсь ничему, чтобы ты ни совершил.

3. Валла Дайя

Я долго лежал, бодрствуя в эту ночь, и думал о 4296-Д-2631-Н, прекрасной девушке, чье совершенное тело было украдено, чтобы составить великолепную оправу для мозга тирана. Это казалось мне таким ужасным преступлением, что я не мог освободить свой ум от этого, и я думаю, что эти размышления посеяли первое зерно ненависти и отвращения к Рас Тавасу. Я не мог представить себе существо, настолько лишенное сострадания и жалости и более страшное, чем он. Я не мог в эту минуту беспристрастно размышлять о безобразном насилии над этим милым и красивым телом, даже в священнейших целях, вызванных желанием получить деньги.

Я так много думал о девушке этой ночью, что облик ее был первым, что возникло в моем возвращающемся после сна сознании и после того, как я поел, а Рас Тавас так и не появился, я пошел в комнату, где была бедная девушка. Она лежала, обозначенная только маленькой табличкой с номером. Тело старой женщины с обезображенным лицом предстало предо мной в суровой неподвижности смерти. Однако под оболочкой, которую я видел сейчас, пряталась сама лучезарная юность, душа, которая спала под этими седыми волосами. Существо с лицом и формами Заксы не было Заксой, потому что в нее было перенесено все, что делало ее другой. Каким ужасным должно быть пробуждение, если оно когда-нибудь наступит! Я содрогался от ужаса при мысли, что она должна будет почувствовать и пережить, когда впервые представит себе страшное преступление, жертвой которого стала. Кем она была? Какая история была запрятана в этом мертвом безмолвном теле? Какой должна была быть ее любовь – ее, чья красота была так великолепна, а на прекрасном лице лежал неизгладимый отпечаток доброты! Захочет Рас Тавас когда-нибудь вызвать ее из этого счастливого подобия смерти – гораздо более счастливого, чем было бы для нее оживление. Я избегал мысли об ее оживлении, и тем не менее страстно желал услышать ее голос, узнать, что этот мозг живет снова, узнать ее имя, выслушать рассказ об ее жизни, так жестоко оборванной и перекинутой в руки судьбы в лице Рас Таваса. Допустим, что она ожила, и что я... – рука легла на мое плечо, и я повернулся, чтобы посмотреть в лицо Рас Таваса.

– Ты, кажется, интересуешься этим предметом? – спросил он.

– Я хотел бы знать, – ответил я, – реакцию ее разума при пробуждении, когда она обнаружит, что стала старой и безобразной женщиной.

Он погладил подбородок и пристально посмотрел на меня.

– Интересный эксперимент, – пробормотал он. – Мне доставило удовольствие узнать, что ты проявляешь научный интерес к выполняемым мной работам. Психологические фазы моей работы, должен признаться, упущены в течение последнего столетия или что-то около этого, хотя раньше я уделял им большое внимание. Интересно, должно быть, наблюдать, изучать некоторые из этих дел. Это может оказаться особенно полезным тебе, как начинающему, так как это просто и обычно. Позднее мы с тобой понаблюдаем за случаем, когда мозг мужчины перенесен в тело женщины, а мозг женщины – в тело мужчины. Так же интересны случаи, когда часть больного или поврежденного мозга заменялась частью мозга от другого объекта, или когда в экспериментальных целях человеческий мозг транспортировался в тело животного и наоборот. Это все обещает огромные возможности для наблюдений. Я помню такой случай, когда я перенес половину мозга обезьяны в череп человека после того, как убрал половину его мозга, которую соответственно перенес в череп обезьяны. Это было несколько лет тому назад, и я часто думаю, что мне нравится время от времени оживлять эти два объекта и записывать результаты наблюдений. Я хочу ознакомиться с ними сейчас, после того, как достану их из подвала Л-42-Х под зданием 4-Д-21. Это будет скоро, через несколько дней. Прошли годы с тех пор, как они внизу. Это были прекрасные экземпляры – они совсем ускользнули из моей памяти. Но пойдем, вызовем из небытия 4296-Е-2631.

– Нет! – воскликнул я, положив руку на его локоть. – Это было бы ужасно!

Он удивленно повернулся ко мне, а затем со злобной глумливой улыбкой закричал, скривив губы: «Плаксивый сентиментальный дурак! Кто смеет говорить мне „нет“?»

Я положил руку на эфес длинного меча и, твердо посмотрев ему в глаза, сказал:

– Ты хозяин в своем доме, но пока что я твой гость. Так изволь обращаться со мной вежливо!

Он моментально обернулся ко мне, но взгляд его дрогнул.

– Я не подумал, – сказал он. – Давай оставим это.

Итак, я получил в ответ извинение – действительно это было больше, чем я ожидал – исход был удачным. Думаю, что с этого времени он стал относиться ко мне с гораздо большим уважением, но сейчас он медленно повернулся к плите, несшей смертные останки 4296-E-2631-H.

– Приготовьте объект для оживления, – сказал он. – Сделай так, чтобы можно было изучить все ее реакции. – С этим он оставил комнату.

К этому времени я уже был сносным знатоком оживления, но приступил к нему с некоторым опасением, хотя с уверенностью, что я был прав, подчиняясь Рас Тавасу, пока являлся членом его окружения. Кровь, которая некогда текла по венам прекрасного тела, проданного Рас Тавасом Заксе, покоилась в геометрически запечатанном сосуде на полке под трупом. Как я все делал раньше под бдительным взглядом старого хирурга, так я делал и сейчас, в первый раз самостоятельно. Разрезы сделаны, трубочки подсоединены, кровь нагрета и несколько капель животного раствора добавлены к крови. Теперь я готов был возратить жизнь этому нежному мозгу, который лежал мертвым десять лет. Когда мои пальцы легли на кнопку, запускающую мотор, который должен был пустить жидкость в эти дремлющие вены, я испытывал такое чувство, что не представляю, что кто-нибудь из землян испытывал когда-нибудь что-либо подобное.

Я стал хозяином жизни и смерти, и тем не менее, когда стоял у начала воскрешения мертвых, то чувствовал себя скорее убийцей, чем спасителем. Я старался взглянуть на процедуру бесстрастно, через призму холодных научных интересов, но это плохо получалось. Я только видел пораженную горем девушку, тоскующую по потерянной красоте. Приглушенно выругавшись, я отвернулся. Я не мог сделать этого. А затем, как будто какая-то сила подтолкнула меня, мои пальцы безошибочно нашли кнопку и нажали ее. Я не смог бы объяснить этого, если бы не теория дуальности нашей психики, объясняющая многое. Возможно, мой субъективный разум продиктовал мне действие. Не знаю...

Знаю только, что я сделал это, мотор запустился, и уровень крови в сосуде начал постепенно понижаться.

Ошеломленный, я стоял, наблюдая. Вскоре сосуд был пуст. Я выключил мотор, отключил трубки, изолировал разрезы пластырем. Красный румянец жизни слегка окрасил тело, поднялась и равномерно опустилась грудь, голова слегка повернулась, шевельнулись веки... Долгое время не было других признаков жизни, затем вдруг глаза открылись. Сначала они были тусклыми, но вскоре начали наполняться вопрошающим изумлением. Они остановились на мне, потом прошлись по доступной части комнаты. Потом они вернулись ко мне и твердо зафиксировались на моей физиономии после того, как обозрели меня снизу доверху. Они только вопрошали, в них не было страха.

– Где я? – спросила она. Голос был, как у старухи, высокий и резкий. Ее глаза наполнились выражением испуга. – Что произошло со мной? Что с моим голосом? Что случилось?

– Подожди еще немного, пока не окрепнешь. Тогда скажу, – сказал я.

Она приподнялась.

– Я сплю, – сказала она, и затем ее глаза обзрели лежащее туловище и ноги, и выражение крайнего ужаса пробежало по ее лицу. – Что случилось со мной? Именем моего первого предка – что?

Пронзительный резкий голос раздражал меня. Это был голос Заксы, а Закса теперь должна была обладать милыми музыкальными тонами, которые безусловно гармонировали с прекрасным лицом, украденным у девушки. Я старался забыть об этих скрипучих нотах, думая только о красоте оболочки, которая когда-то украшала душу, спрятанную в старом и высохшем теле.

Она протянула руку и ласково коснулась ею меня. Жест этот был прекрасен, движения грациозны. Мозг девушки управлял мускулами, но странные грубые голосовые связки Заксы не могли более издавать нежные звуки.

– Скажи мне, пожалуйста, – она умоляла, слезы блестели в ее старых глазах. – Скажи мне, ты не кажешься жестоким.

И я рискнул, впервые за много лет.

Итак, я рассказал ей. Она слушала внимательно, и, когда я кончил, вздохнула.

– В конце концов, – сказала она, – это не так страшно, как я думала. Это лучше, чем быть мертвой!

Значит, то, что я нажал на кнопку, было к счастью. Она рада жить, даже будучи задрапированной в отвратительную оболочку Заксы. Так я ей и сказал.

– Ты была так прекрасна! – воскликнул я.

– А сейчас я отвратительна?

Я не ответил.

– В конце концов, какая разница? – спросила она вскоре. – Это старое тело не может изменить меня, сделать другой по сравнению с тем, чем я была. Хорошее во мне осталось, осталось все, что было доброго, милого. Я буду жить и делать хорошее. Сначала я ужаснулась – я не знала, что случилось со мной. Я думала, что подцепила какую-нибудь ужасную болезнь, которая изменила меня – это меня страшило, но сейчас... ну и что...

– Ты удивительна! – сказал я. – Большинство женщин сошло бы с ума от ужаса и горя – потерять такую красоту, как у тебя – а тебе все равно!

– О, нет, мне не все равно, друг мой, – поправила она меня, – происшедшего все равно достаточно, чтобы разрушить мою жизнь или бросить тень на тех, кто окружает меня. Я имела красоту и наслаждалась ею. Это было не омраченное счастье... Могу уверить тебя в этом. Из-за нее люди убивали друг друга, из-за нее две великие нации вступили в войну, и, возможно, мой отец или лишился трона или жизни – не знаю, так как была захвачена в плен, когда война еще свирепствовала. Может быть, она еще бушует, и люди умирают, потому что я была слишком красива. Но теперь никто не будет бороться за меня, – добавила она с печальной улыбкой.

– Ты знаешь, как долго была здесь? – спросил я.

– Да, – ответила она, – позавчера меня продали сюда.

– Это было десять лет тому назад, – сказал я.

– Десять лет? Невозможно!

Я указал на трупы вокруг нас.

– Ты лежала, как они, десять лет, – объяснил я ей. – Здесь есть и такие, которые лежат уже пятьдесят лет. Так сказал мне Рас Тавас.

– Десять лет! Десять лет! Что могло случиться за десять лет! Лучше, как они, – она указала на тела. – Я боюсь возвращаться. Я не хочу узнать, что мой отец, а, возможно, и мать погибли. Лучше так. Позволь мне заснуть снова! Можно?

– Это решение остается за Рас Тавасом, – ответил я. – Но сейчас я здесь, чтобы наблюдать за тобой.

– Наблюдать меня?

– Изучать тебя, твои реакции.

– Я... что хорошего это даст?

– Это может дать кое-что хорошее миру...

– Это может дать твоему ужасному Рас Тавасу лишь кое-какие идеи по совершенствованию своей камеры пыток и новые способы выжимания денег из страданий жертв, – сказала она, и ее грубый голос погрузнел.

– Некоторые его работы полезны, – объяснил я ей. – Деньги, которые он делает, позволяют ему содержать это удивительное заведение, где он постоянно проводит бесчисленные эксперименты. Многие из его операций благодетельны. Вчера принесли воина с раздавленными руками. Рас Тавас дал ему новые руки. Принесли сумасшедшего с умом ребенка. Рас Тавас дал ему новый мозг. Руки и мозг были изъяты у двоих, умерших насильственной смертью. Они при помощи Рас Таваса послужили и после смерти своих хозяев, даруя счастье и жизнь другим.

Она задумалась на минуту.

– Я довольна, – сказала она. – Я только надеюсь, что наблюдать меня будешь ты!

Вскоре пришел Рас Тавас и осмотрел ее.

– Хороший объект, – похвалил он.

Он взглянул на табличку, куда я занес очень короткую запись вслед за другими. Конечно, это была скорее вольная трактовка определенного номера. Барсумцы не имеют алфавита, подобно нашему, и их системы исчисления очень отличаются от наших. Тринадцать знаков в земной записи выражаются четырьмя тунолианскими значками, означающими, тем не менее, то же самое в краткой форме – номер комнаты, стола и здания.

– Объект должен быть размещен около тебя, – где ты мог бы регулярно наблюдать ее, – продолжал Рас Тавас. – Это будет соседняя с тобой комната. Я прослежу, чтобы ее открыли. Когда не будешь проводить наблюдения, запирай ее.

Для него это было еще одно «Дело».

Я провел девушку, если можно так ее называть, в предназначенное ей помещение. По пути спросил ее имя, так как мне казалось излишне грубым обращаться к ней по номеру дела. Это я объяснил ей.

– Деликатно с твоей стороны, что ты подумал об этом, – сказала она. – Но, действительно, номер – это все, что осталось от меня здесь! Только еще один объект вивисекции...

– Ты для меня больше, чем номер, – сказал я ей. – Ты здесь не имеешь друзей и беспомощна. Я хочу услужить тебе – сделать твою долю легче настолько, насколько смогу.

– Еще раз спасибо, – сказала она. – Мое имя Валла Дайя. А твое?

– Рас Тавас зовет меня Вад Варс, – сказал я.

– Но это не твое имя?

– Мое имя Улисс Пакстон.

– Это странное имя, не похожее на любое, слышанное мною, но и ты не похож на любого человека, которого я когда-либо видела. Ты не похож на барсумца. Твой цвет не похож на цвет любой расы Барсума.

– Я не с Барсума, а с Земли, планеты, которую вы называете Джасум. Вот почему я отличаюсь обликом от любого, кого ты знала до этого.

– Джасум! Есть здесь другой джасумец, слава которого достигла самых отдаленных уголков Барсума, но я никогда его не видела.

– Джон Картер? – спросил я.

– Да! – Воскликнула девушка. – Военный владыка. Он в Гелиуме, но мои люди не находятся в дружественных отношениях с Гелиумом. Я никогда не могла понять, как он очутился здесь. И как же здесь оказался еще один человек с Джасума? Как ты пересек огромное расстояние, разделяющее планеты?

Я покачал головой.

– Не могу даже предположить, – сказал я.

– Джасум, должно быть, населен удивительными людьми, – сказала она.

Это был хороший комплимент.

– Так же как Барсум – прекрасными женщинами, – ответил я.

Ее взгляд скользнул по старому и сморщенному телу.

– Я видел тебя такой, какая ты была в действительности, – сказал я вежливо.

– Я с ненавистью думаю о своем лице, – сказала она. – Знаю, что оно отвратительное.

– Это не твое лицо. Помни об этом, когда смотришь на него, и не чувствуй себя плохо.

– И это достаточно плохо, – сказала она.

Я не ответил.

– Ничего, – сказала она. – Если бы я не имела душевной красоты, то я не была бы красивой, и безразлично, насколько совершенны черты моего лица. Но если я обладала красотой души, то она осталась у меня и сейчас. У меня могут быть прекрасные мысли, я могу совершать прекрасные дела, и это, я думаю, и есть истинное, в конце концов, испытание красоты.

– Есть надежда, – добавил я шепотом.

– Надежда? Нет. Надежды нет. Для тебя это средство внушить мне, что я смогу через некоторое время вернуть потерянную личность. Ты сказал достаточно, чтобы убедить меня в полнейшей безнадежности.

– Не будем говорить об этом, – сказал я. – Но мы можем думать, много думать – о том, как найти способ осуществления нашего плана. Конечно, если мы хотим этого достаточно сильно!

– Я не хочу верить в возможность спасения, – сказала она. – Для меня утрачены всякие надежды. Думаю, я всегда буду счастлива в несчастье!

Я распорядился о еде для нее, и после того, как она была принесена, оставил ее одну, закрыв дверь комнаты, как проинструктировал старый хирург. Я нашел Рас Таваса в его офисе – маленькой комнате, соседствующей с очень большой, где находились десятка два клерков, разбиравших и классифицировавших донесения из различных частей огромной лаборатории. Он встал, когда я вошел.

– Пойдем со мной, Вад Варс, – сказал он. – Мы посмотрим на два дела в Л-42-Х, это те двое, о которых я говорил.

– Человек с половиной обезьяньего и обезьяна с половиной человеческого мозга?

Он кивнул головой и пошел впереди меня к пандусу, ведущему в подвалы под зданием. По мере того, как мы спускались, проходы и коридоры обнаруживали длительную консервацию. Полы были покрыты мельчайшей пылью, покоящейся с давних времен; крохотные радиовые лампы слабо освещали подземные глубины, и также были покрыты пылью. Мы проходили мимо дверей с обеих сторон коридора, каждая из которых была отмаркирована особым иероглифом. Некоторые проходы были крепко замурованы каменной кладкой. Какие ужасные тайны спрятаны там?

Наконец мы пришли к Л-42-Х. Здесь тела были расположены на полках, несколько рядов полностью заполняли комнату от пола до потолка за исключением прямоугольного пространства в центре комнаты, где были приспособлены стол и множество инструментов для операций, мотор и прочее оборудование.

Рас Тавас нашел объекты своего странного эксперимента, и мы вместе положили человеческое тело на стол. Пока Рас Тавас подсоединял трубки, я вернулся к сосуду с кровью, покоившемуся на той же полке, где лежал труп. Хорошо знакомый мне способ оживления быстро был доведен до конца, и мы знали, что сознание скоро вернется к объекту.

Человек привстал и посмотрел на нас, затем бросил быстрый взгляд на комнату. В его глазах было дикое выражение, когда он уставился на нас, медленно попятился от стола к двери, причем стол был между нами и им.

– Мы не причиним тебе вреда, – сказал Рас Тавас.

Человек попытался ответить, но слова представляли совершенно непонятную тарабарщину, затем он затряс головой и зарычал. Рас Тавас сделал шаг к нему, и человек опустился на четвереньки, опираясь суставами пальцев на пол, и попятился, рыча.

– Подойди! – закричал Рас Тавас. – Мы не причиним тебе вреда.

Снова он попытался приблизиться к объекту, но человек быстро поднялся и вскарабкался на верх самой высокой полки, где присел на корточки на труп и бубнил что-то непонятное.

– Нам нужна помощь, – сказал Рас Тавас и, подойдя к двери, посигналил свистком.

– Зачем вы свистите? – спросил вдруг человек. – Кто вы такие? Что я здесь делаю? Что случилось со мной?

– Спустись, – сказал Рас Тавас. – Мы друзья. Человек медленно спустился на пол и подошел к нам, но все еще елозил суставами пальцев по полу. Он посмотрел на трупы, и новый свет загорелся в его глазах.

– Я голоден! – закричал он. – Я должен поесть! – И с этими словами он схватил ближайший труп и поволок его к двери.

– Стой! Стой! – закричал Рас Тавас, прыгая вперед. – Ты испортишь объект!

Но человек только пятился, волоча за собой труп. Это кончилось тем, что пришли слуги, и с их помощью мы схватили и связали несчастное создание. Затем Рас Тавас приказал слугам принести тело обезьяны и остаться самим, так как они могли понадобиться.

Объект был огромным представителем белых барсумских обезьян, одного из наиболее диких и грозных обитателей красной планеты. Из-за большой силы этого существа Рас Тавас принял меры предосторожности, связав его надежно до операции оживления.

Это было колоссальное существо десяти или двенадцати футов в высоту, если его поставить вертикально. Оно имело промежуточный комплект рук и ног на полпути между верхними и нижними конечностями. Глаза были расположены близко друг к другу и не выдавались. Уши посажены высоко, в то время как мордой и зубами оно поразительно напоминало нашу африканскую гориллу.

После возвращения сознания, существо посмотрело на нас вопросительно. Несколько раз нам казалось, что оно пытается заговорить, но только нечленораздельные звуки вырывались из его горла. Затем оно легло и затихло на некоторое время.

Рас Тавас сказал ему:

– Если ты понимаешь мои слова, то кивни головой.

Существо утвердительно кивнуло головой.

– Боюсь, что ты попытаешься причинить нам вред или убежать, – сказал хирург.

Обезьяна с большим усердием пыталась, по-видимому, заговорить членораздельно, и наконец из ее губ вырвался звук, который не мог быть неправильно понят. Это было единственное слово – нет!

– Ты не причинишь нам вреда и не будешь пытаться бежать? – повторил вопрос Рас Тавас.

– Нет, – сказала обезьяна, и на этот раз слово было произнесено достаточно четко.

– Увидим, – сказал Рас Тавас. – Но помни, что с нашим оружием мы быстро сможем справиться с тобой и отправить на тот свет, если ты атакуешь нас.

Обезьяна кивнула и затем с колоссальными трудностями выдавила:

– Я не причиню вам вреда.

По приказу Рас Таваса слуги сняли веревки, и существо село. Оно вытянуло конечности и ловко соскользнуло на пол, встав на две ноги, что не удивительно, так как белые обезьяны чаще ходят на двух ногах, чем на шести; факт, о котором я в то время не знал, но который Рас Тавас объяснил мне позднее, комментируя то, что человеческий объект ходил на четырех. По Рас Тавасу это показывало проявление атавизма, характерное для части обезьяньего мозга, перенесенное в человеческий череп.

Рас Тавас осмотрел объект, имевший значительную высоту, а затем продолжал наблюдения за объектом-человеком, все еще продолжавшим вести себя скорее как обезьяна, чем как человек, хотя разговаривал, несомненно, куда легче из-за более совершенных органов речи. Дикция же обезьяны становилась понятной только после колоссального напряжения.

– Ничего замечательного в этих объектах нет, – сказал Рас Тавас, посвятив им полдня. – Они подтверждают то, что я определил уже много лет назад: пересаженный мозг – акт трансплантации – стимулирует рост и активность клеток мозга. Ты заметил, что в каждом объекте трансплантированные части мозга более активны – они в значительной степени управляют остальным. Вот почему у нас человек-обезьяна обнаружил определенные обезьяньи характеристики, тогда как обезьяна вела себя более по-человечески. Хотя при более долгих и подробных исследованиях ты бы заметил, что каждый временами возвращается к своей собственной натуре – то есть обезьяна становится более обезьяной, а человек более походит на человека, но это не заслуживает времени, которое я отдал этим контрольным экземплярам. Я оставляю тебя сейчас, чтобы ты вернул объектам прежнее состояние, а сам пойду в верхние лаборатории. Слуги останутся здесь и будут ассистировать, если потребуется.

Обезьяна, внимательно слушавшая, сразу же шагнула вперед.

– О, пожалуйста, умоляю вас, – пробормотала она. – Не принуждайте меня снова лежать на этих ужасных полках. Я ведь помню день, когда был принесен сюда, надежно связанный. И хотя у меня нет воспоминаний о случившемся, и я могу только догадываться об облике собственной оболочки, и о том, что, судя по этим пыльным трупам, я пролежал здесь долго, прошу, чтобы вы позволили мне жить и вернули меня к товарищам или позволили служить в саду по мере моих возможностей и способностей в этом учреждении, которое я успел немного разглядеть в промежутке между пленением и моментом, когда меня принесли в эту лабораторию, связанного и беспомощного, и положили на одну из ваших холодных плит.

Рас Тавас сделал раздраженный жест.

– Вздор! – крикнул он. – Иди лучше туда, где будешь сохранен в интересах науки.

– Согласись с его просьбой, – обратился я к Рас Тавасу. – Я приму всю ответственность на время, пока буду извлекать из него пользу, изучая, на что он способен.

– Делай, как приказано, – огрызнулся Рас Тавас, уходя из комнаты.

Я пожал плечами. Лучше было промолчать.

– Я вполне могу убить тебя и бежать, – проговорила в задумчивости обезьяна, – но ты хотел мне помочь. Я не могу убить того, кто относится ко мне по-дружески, тем не менее, тяжело думать еще об одной смерти. Сколько же я здесь лежал?

Я обратился к истории его тела, которая была принесена и укреплена над изголовьем стола.

– Двадцать лет, – сказал я ему.

– И все же, почему нет? – спросил он себя. – Этот человек убьет меня – почему я не могу убить его до этого?..

– Это будет плохо для тебя, – сказал я, – потому что ты не сможешь отсюда убежать. Место, где ты находишься, очень глубоко под землей. Вместо бегства ты умрешь, и Рас Тавас будет, вероятно, думать о том, что не заслуживает внимания помнить о тебе, тогда как тот, кто сможет найти возможность помочь тебе несколько позже и кто намеревается сделать это, умрет от твоих рук, и окажется неспособным помочь тебе.

Я говорил тихим голосом ему на ухо, чтобы слуги не могли подслушать. Обезьяна слушала внимательно.

– Ты сделаешь, что говоришь? – спросила она.

– При первой представившейся возможности, – ответил я ей.

– Очень хорошо, – сказала она, – я подчиняюсь, веря тебе.

Через полчаса оба объекта были возвращены на свои полки.

4. Соглашение

Дни складывались в недели, недели в месяцы, а я работал вместе с Рас Тавасом, и все больше хирург сообщал мне секретов своей профессии и своего мастерства. Постепенно он позволял мне выполнять все более и более сложные функции в текущей работе огромной лаборатории. Я начал пересаживать конечности от одного объекта другому, затем – внутренние органы пищеварения. После этого он поручил мне операцию, всю, от начала до конца, на клиенте, заплатившем деньги. Я удалил почки богатого старого человека, заменив их здоровыми от молодого объекта. На следующий день я дал чахлому ребенку новую щитовидную железу. Неделей позже я трансплантировал два новых сердца, и затем пришел день – позади меня стоял лишь Рас Тавас – когда я перенес мозг старого человека в черепную коробку молодого.

Когда я кончил, Рас Тавас положил мне руку на плечо.

– Я сам не мог бы сделать лучше, – сказал он.

Он казался таким ликующим, и я не мог не удивляться этой необыкновенной демонстрации эмоций со стороны того, кто так часто гордился отсутствием чувствительности. Я часто размышлял о целях, которые заставили Рас Таваса посвящать меня в тайны его профессии, и уделять мне так много времени для обучения, но никогда не наталкивался на удовлетворительное объяснение, более правдоподобное, чем то, что он нуждался в ассистенте для текущих работ. Еще когда я одолевал письменность, я заметил, что многие работы, которыми он был занят, не давали ему возможности обучать меня, предпочитая меня красным марсианам – ассистентам. Его уверенность в моей лояльности, по-моему, не была достаточно обоснована, чтобы так глубоко передать мне все свои знания, хотя с таким же успехом он мог бы держать меня своим телохранителем и обучать одного из своего собственного народа с целью иметь для себя помощника в хирургической работе.

Но вскоре мне довелось узнать, что он имел обоснованную причину для такого поведения. Рас Тавас всегда имел продуманное решение для всего, чтобы он ни делал. Однажды ночью, после того, как мы кончили вечернюю трапезу, он сидел, смотря на меня внимательно, как часто делал, словно хотел прочесть мысли, что не был, между прочим, в состоянии сделать, к величайшему своему удивлению и досаде, так как, если марсианин не находится настороже, любой другой марсианин может отчетливо читать его мысли. Он объяснил это тем, что я не барсумец. Несмотря на это, я часто мог читать мысли и его ассистентов, когда они не были бдительны, но никогда мне не удавалось прочесть что-либо из мыслей Рас Таваса. Уверен, и любой другой не мог бы прочесть их. Он держал свой мозг на запоре, как одну из банок с кровью, и никогда, даже на мгновение, не снимал барьеров.

Он сидел и смотрел на меня в тот вечер очень долго, но меня это ни в малейшей степени не смущало, так как я привык к его странностям.

– Возможно, – сказал он, – одна из причин, почему я верю тебе, та, что я никогда, ни в какое время не могу проникнуть в твой разум. Твои вероломные мысли насчет себя я не знаю, тогда как у других, у каждого из вас, я легко открываю самое сокровенное в мозгу. Моему изучающему уму нет препон, и в каждом зависть, подозрительность и ненависть ко мне. Им я не могу верить! Следовательно, я должен рискнуть и возложить все доверие на тебя. Разум мой говорит, что выбор мой мудр. Я уже сказал тебе, на чем базируется мое доверие к тебе в качестве телохранителя. Те же соображения справедливы и для того, чтобы выбрать тебя для одного серьезного дела, которое я замыслил. Ты не причинишь мне вреда без того, чтобы не навредить себе, и ты не тот человек, который умышленно захочет сделать это, и, кроме того, нет причины, по которой ты чувствовал бы ко мне неприязнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.